

Бах!

Дверь распахнулась с грохотом, заставив всех в комнате вздрогнуть. Несколько человек раздражённо подняли головы, но, увидев, кто стоит в дверях, тут же покрылись холодным потом.

Сюн Цзиньчжоу отступил в сторону, пропуская вперёд уездного судью Чэня. Позади них стоял управляющий, вытирающий пот, а на полу корчился от боли стражник.

На лице Чэня по-прежнему играла мягкая улыбка. Окинув взглядом присутствующих, он неторопливо произнёс:

— Похоже, мне сегодня везёт - как раз застал вас всех вместе.

Те, кто понимал, в чём дело, побледнели. Стоявший впереди едва не рухнул на колени, его успели подхватить.

Что такое власть?

Это право распоряжаться жизнью и смертью. Пока чиновник проявляет терпение, можно позволить себе лишнее. Но стоит ему по-настоящему рассердиться...

Несколько человек невольно попятились назад. Переглянувшись, они уже начали прикидывать, не лучше ли выдать друг друга, чтобы спастись. Они давно служили богатым домам и были не просто мастерами ткачества - в интригах и связях они тоже кое-что понимали. Именно поэтому раньше вели себя столь дерзко... и именно поэтому теперь были в ужасе.

Доброта уездного судьи Чэня имела пределы. И они явно за этот предел уже вышли.

— Г-господин судья, господин батоу... прошу, присаживайтесь, — с трудом выдавил хозяин дома, собирая остатки храбрости. Он пригласил уездного судью на почётное место и, вытирая вспотевшие ладони, велел подать чай.

Уездный судья Чэнь спокойно прошёл вперёд и сел, положив руку на подлокотник. Взгляд его был насмешливым:

— Неужели вы и правда не понимаете, по какому делу я пришёл?

В тот же момент в воздухе словно повис холодный, наполненный угрозой взгляд Сюн Цзиньчжоу.

Присутствующие невольно вспомнили ходившие по округе слухи о том, что у главы городской стражи Сюна с супругом необычайно крепкие отношения, и мысленно только вздохнули. Эти двое болванов даже с таким пустяком не справились, теперь беда куда серьезнее.

...

— Здесь не так, ты слишком торопишься, — остановил Нин Гуйчжу женщину. Когда она поднялась, он сел на её место, поправил работу и мягко сказал: — Ткачество - не дело одного-двух дней. Нужно идти постепенно. Только когда руки привыкнут, можно будет делать то, что хочешь.

— Я понимаю... просто не могу удержаться...

Женщина смотрела, как под руками Нин Гуйчжу нити послушно ложатся одна к другой, и внутри у неё всё сжималось. Она училась медленнее всех, а характер у неё был упрямый - чем хуже получалось, тем сильнее она спешила, а от спешки ошибок становилось ещё больше.

Нин Гуйчжу, заметив её состояние, попросил её снова сесть и как можно спокойнее сказал:

— У каждого свои сильные стороны. Учись не спеша. Если к концу обучения у тебя всё равно не будет получаться, я научу тебя другому ремеслу, чтобы ты могла зарабатывать. Хорошо?

Женщина опустила глаза, чувствуя неловкость:

— Я... я буду стараться.

— Хорошо. Продолжай.

Убедившись, что она успокоилась и снова взялась за работу, Нин Гуйчжу не стал стоять рядом, чтобы не давить, и пошёл к другим ученикам, проверяя их ткань.

Ткачество - дело непростое. Потянуть одну-две нити может каждый, но чтобы соткать полотно, нужны опыт и практика. Когда Нин Гуйчжу впервые учился сам, ему понадобился больше месяца, чтобы получить ткань, правда, тогда он работал с шёлком. С обычной пряжей дело шло бы быстрее, поэтому он рассчитывал, что этим ученикам понадобится около двадцати дней, чтобы освоить самое простое.

Так и прошло утро в ритме переплетающихся нитей основы и утка.

Нин Гуйчжу объявил окончание занятий и вышел из класса. Увидев Сюн Цзиньчжоу, ожидавшего неподалёку, он улыбнулся и ускорил шаг:

— У тебя утром было много дел?

— У тебя всё прошло хорошо?

Они заговорили одновременно, на мгновение замерли и тут же рассмеялись.

Сюн Цзиньчжоу взял его за руку и повёл наружу:

— Утром допросили тех двоих, потом ещё помогал уездному судье Чэню. Только что купил мула и оставил его в управлении.

— Уже купил? А почему не привёл сюда? — удивился Нин Гуйчжу.

От ткацкой мастерской до управления путь неблизкий, ему бы не стоило идти самому.

Сюн Цзиньчжоу поджал губы.

Не услышав ответа, Нин Гуйчжу посмотрел на него с недоумением и уже собирался спросить снова, как тот тихо произнёс:

— Разве плохо, если я понесу тебя на спине?

— ...

Хорошо это или нет, Нин Гуйчжу так и не ответил. В итоге он всё равно оказался у него на спине, и именно так они вошли в уездное управление.

Уездный судья Чэнь как раз проходил мимо, обмахиваясь веером. Увидев их, он с удивлением наклонил голову и спросил у помощника, докладывавшего о разборе документов:

— Это что ещё такое? В управлении... в таком виде...

Оставим в стороне приличия, но не слишком ли это бросается в глаза?

Помощник взглянул в ту сторону, протянул «а-а» и ответил:

— У господина Сюй-фулана травма колена. Вчера были у лекаря - сказали, если не беречься, может совсем отказать. Вот Сюн-батоу и проявляет особую заботу.

Уездный судья Чэнь: ???

— Постой... это ведь не Сюн Цзиньчжоу сделал?

— Нет, не он, — ответил помощник Лу, припоминая их разговор. — Похоже, травма осталась у господина Сюй-фулана ещё до свадьбы. Вы ведь знаете, он раньше работал в богатом доме - там такие вещи не редкость.

Уездный судья Чэнь нахмурился, бросил взгляд в сторону, куда ушли двое, и холодно усмехнулся:

— Кровососы, живущие за счёт простого народа.

После прихода к власти нынешнего правителя не раз издавались указы об освобождении слуг и переводе их на наёмный труд, но на местах чаще всего делали вид, что исполняют, а по сути игнорировали. Обычно одна только мысль об этом приводила Чэня в раздражение, а теперь, когда из-за этого пострадал человек, работающий у него...

Нет, сегодня же вечером он напишет доклад - пусть об этом узнает сам император.

...

Мысли чиновников всегда сложны и переменчивы. А Нин Гуйчжу, будучи обычным человеком, думал лишь о более насущном - что будет на обед. Рассыпчатый рис, ароматная свиная печень с сушёным острым перцем и вкусные слоёные пирожки с бобовой начинкой.

Нин Гуйчжу, держа чашку с рисом, с удовольствием вздохнул:

— Как же хорошо кормят в управлении.

Неудивительно, что во все времена столько людей стремятся на государственную службу.

Сюн Цзиньчжоу положил ему щедрую порцию печени:

— Раньше так не было. Это господин Чэнь из своих денег нам питание улучшил.

Услышав это, Нин Гуйчжу вспомнил те сто лян, что получил в награду, и искренне сказал:

— Наш уездный судья действительно хороший человек.

Сюн Цзиньчжоу невольно усмехнулся.

Сушёный перец оказался достаточно острым, а соевый соус придал блюду аромат - специфический запах свиной печени почти полностью исчез. К тому же основным блюдом был рис, и Нин Гуйчжу съел свою чашку дочиستا. Сделав пару глотков воды, чтобы перебить вкус, он взял сладкий слоёный пирожок с бобовой пастой и стал неторопливо его есть.

Сюн Цзиньчжоу доел оставшиеся блюда, взял у Нин Гуйчжу платок, вытер рот, после чего унёс посуду вместе с платком.

Нин Гуйчжу прислонился к окну и, глядя на ветви деревьев, медленно покачивающиеся на ветру, лениво зевнул. Спустя некоторое время Сюн Цзиньчжоу вернулся с вымытым платком. Увидев, что Нин Гуйчжу клюёт носом у окна, он сказал:

— Почему не пойдёшь прилечь на кровать?

— Ждал тебя, — ответил Нин Гуйчжу, поднимаясь.

Влажный платок повесили на край стола. В комнате супруги сняли верхнюю одежду и, устроившись на постели, уснули в объятиях друг друга.

А в другом конце уездного города отряд воинов в доспехах разделился и вошёл в несколько домов, изымая штрафные деньги и арестовывая тех, кто замышлял недоброе. Под крики и причитания каждому назначили по тридцать ударов палками. Солдаты били куда сильнее, чем обычные стражники, и после тридцати ударов наказанные уже теряли сознание.

Дневные занятия прошли гладко. Сюн Цзиньчжоу стоял у входа в мастерскую, держа за повод мула, а в руке у него была мазь, взятая у лекаря Ло.

Увидев, как Нин Гуйчжу выходит, он шагнул к нему, протянул руку и, усадив его рядом, сказал:

— Не спеши домой, сначала намажем лекарство.

Нин Гуйчжу послушно сел, опустив взгляд на мазь. Тёмная мазь была аккуратно разровнена. Сюн Цзиньчжоу открыл её и подал Нин Гуйчжу подержать, сам же закатал ему штанину, наложил мазь на колени и закрепил её купленной повязкой.

— Ну как? Есть какие-нибудь ощущения? — подняв голову, спросил он.

— Не может же лекарство подействовать так быстро, — с улыбкой сказал Нин Гуйчжу. Он встал, немного размялся и вдруг почувствовал в колене лёгкое тепло и едва заметное покалывание.

Намазав мазь, Сюн Цзиньчжоу посадил его на мула, взял в руки лекарство и повёл животное вперёд:

— Держись, смотри вперёд, не ударься головой.

Мул в первый раз вёз человека. Сделав пару шагов, он вдруг дёрнулся - движение было лёгким, но намерение сбросить седока было вполне явным.

Нин Гуйчжу ухватился за шею мула и машинально погладил его, стараясь успокоить.

— Не балуй, — Сюн Цзиньчжоу потянул повод, почувствовав, что мул тянет не так. Затем передал Нин Гуйчжу лекарственный свёрток: — Подержи.

— Ага.

Нин Гуйчжу взял свёрток и с любопытством посмотрел. Сюн Цзиньчжоу тем временем достал из-за пазухи бумажный пакет. Едва он начал его разворачивать, как мул сразу вытянул шею и потянулся к нему. Сюн Цзиньчжоу не дал - быстро развернул уголок, показал булку и помахал перед мордой:

— Ну что, теперь пойдёшь как следует?

— ...

Нин Гуйчжу не выдержал и рассмеялся:

— Как ты до этого додумался?

— Да этот упрямец... — Сюн Цзиньчжоу с досадой стукнул мула по лбу и начал жаловаться. — Когда вёл его в управление, проходили мимо лавки с булками, так он упёрся, ни туда ни сюда. Хорошо хоть соображает: я купил булку, и он сразу пошёл за мной, не полез громить лавку.

— Значит, любит булки, — с улыбкой сказал Нин Гуйчжу, поглаживая мула по голове. — Может, назвать его «Маньтоу»?

— Отличное имя. Очень ему подходит.

Переговариваясь и посмеиваясь, они вышли из города. Сюн Цзиньчжоу вёл за повод Маньтоу и направлялся к деревне Сяохэ, даже не думая садиться на ослиную повозку.

Нин Гуйчжу это заметил, бросил взгляд в сторону повозок, но не успел ничего сказать, как Сюн Цзиньчжоу заговорил:

— Тот, что продавал мула, уступил нам три цянй. Я купил много сена и соломы, половину уже отправил домой с возчиком. Осталось ещё больше восьмидесяти вэней. Отдать тебе, когда вернёмся?

Внимание Нин Гуйчжу переключилось, и он ответил:

— Я же говорил, лишнее оставь себе.

— А... точно, забыл, — почесал затылок Сюн Цзиньчжоу.

— Вечно занятой, а что помнишь - непонятно...

— Ого, вы что, мула купили? - едва они вошли в деревню Сяохэ, как люди, сидевшие под деревом и болтавшие, сразу обратили на них внимание. Обычно при виде Сюн Цзиньчжоу и Нин Гуйчжу они даже не заговаривали, но мул в деревне - редкость. Ведь тот самый Ли Лаосань, как только завёл осла, стал зарабатывать по сорок-пятьдесят вэней в день! Даже старик, который толком и работать не может, зарабатывает столько - как тут не позавидовать и не захотеть себе такую же скотину?

Раз уж к ним обратились, а Сюн Цзиньчжоу явно не собирался отвечать, Нин Гуйчжу с улыбкой кивнул:

— С мулом и работы больше сделать можно, вот и купили.

— Эх, говоришь ты так просто! Мул-то ведь дорогой. Только второй сын семьи Сюн может так взять и купить. Тебе, Нин-гер, повезло, живёшь в достатке!

Нин Гуйчжу слегка нахмурился - в словах собеседника послышалось что-то странное. Но задуматься он не успел.

Сюн Цзиньчжоу поднял взгляд, посмотрел в ту сторону и с улыбкой сказал:

— Мы с Чжу-гером оба служим в уездном управлении. Всего лишь мул - если немного

откладывать с двух жалований, купить его вовсе не так уж и накладно.

Об этом договорились ещё тогда, когда дома обсуждали работу с ткацким обучением: ни в коем случае не упоминать те сто лян награды. Если кто спросит - говорить, что Нин Гуйчжу получает обычное жалование.

В деревне ничего не утаишь, да и не стоит. Чем больше скрываешь, тем больше начинают расспрашивать. Поэтому уже в первый день, как Нин Гуйчжу пошёл работать, болтливая Ван Чуньхуа разнесла новость по всей округе. Люди, конечно, и так всё знали, но, услышав сейчас слова Сюн Цзиньчжоу, всё равно почувствовали укол досады.

Когда пара отошла подальше, кто-то не удержался и фыркнул:

— Подумаешь, учит кого-то ткать! Что тут сложного? Да я бы тоже смог!

Стоило ему это сказать, как вокруг на мгновение повисла тишина, а затем раздался дружный смех.

— Ха-ха-ха! Ты - учить ткачеству? Да тебе бы самому учеником устроиться уже подвиг!

— У тебя вся «умелость» только на словах. Такой способный, а чего ж сам в уездное управление не пошёл?

— «Я бы тоже смог»!

— Ну и стыдоба, честное слово!

Никто даже не пытался сдерживаться - насмешки сыпались одна за другой, пока тот не вспылит и не вскочил с места. Только тогда остальные понемногу угомонились.

Семья Сюн была дома, и до них эти разговоры сразу не дошли. До их двора ещё оставалось немного, когда дети, завидев их издали, радостно побежали навстречу вместе с щенками. Подбежав, они с любопытством уставились на высокого мула и осторожно потянулись рукой, чтобы его погладить.

Сюн Цзиньчжоу, заметив их движения, протянул руку и помог Нин Гуйчжу слезть. Мул был довольно высокий, да ещё без стремян, так что Нин Гуйчжу пришлось опереться на него. Его стройное и мягкое тело на мгновение оказалось в объятиях Сюн Цзиньчжоу - тот невольно вздохнул про себя, но, прежде чем Нин Гуйчжу что-то заметил, уже отпустил его и заодно поправил сбившуюся одежду.

Нин Гуйчжу тем временем обернулся к детям. Увидев, что Сюн Чуаньшуй забежал сзади, он

поспешно сказал:

— Чуаньшуй, не трогай задние ноги, ещё лягнёт!

— Ага...

Сюн Чуаньшуй спрятал руки за спину и устоялся на задние ноги мула. Та, к которой нельзя было прикасаться, вдруг стала самой притягательной. Но Нин Гуйчжу всё ещё наблюдал за ним, и шанса украдкой дотронуться не было, так что мальчик, недовольно топая, вернулся к брату и сестре.

— Вернулись... — вышел Сюн Шишань. Увидев мула, он сразу сменил тему: — Это тот самый, о котором вчера говорили? Хороший, крепкий. И рост какой - не скажешь, что всего два года. Эх, понятно, почему дорогой. Выгодная покупка, очень выгодная!

Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу переглянулись с улыбкой и прямо при Сюн Шишане сунули купленную булку мулу в рот. Мул жевал булку и, склонив голову, смотрел на Сюн Шишаня.

Сюн Шишань: «...»

Он схватился за грудь, будто ему стало тяжело дышать, крепко зажмурился, приходя в себя, и, махнув рукой на этих двоих проказников, сказал:

— Уведите его, уведите во двор... я на это смотреть не могу!

Сюн Цзиньчжоу едва сдержал смех и поспешно повёл Маньтоу внутрь.

Сюн Цзиньпин как раз перебирал во дворе собранные за день дикорастущие овощи. Увидев, как они ведут мула, он сразу заметил, что тот жуёт, и с усмешкой сказал:

— Вы чего это, уже кормите его?

— По дороге упрямылся, не хотел везти Гуйчжу. Только булку показал - сразу стал послушным. Вот и покормили, как домой пришли.

Сюн Цзиньчжоу привязал мула в стороне, увидел, чем занят Сюн Цзиньпин, закатал рукава и пошёл помогать.

Нин Гуйчжу поставил свёрток с лекарствами на табурет под навесом и вошёл в кухню:

— Мама, невестка, может, я чем помогу?

— Вернулся, — обе оглядели его с головы до ног. Ван Чуньхуа сказала: — Гуйчжу, ты лучше огонь поддерживай. Блюда сегодня те, что ты раньше готовил, мы сами сделаем, а ты посмотришь, если что не так.

— Хорошо.

Нин Гуйчжу понял, что они переживают за его колена, и от этого на душе стало тепло. Он улынулся, проверил огонь в очаге, сел у печи и, помешивая угли, стал с ними болтать о событиях дня. Разговор шёл по-домашнему, без особых церемоний. Ван Чуньхуа вдруг сказала:

— Гуйчжу, днём ко мне приходила невестка из моей родни. Слышала, что в ткацкой мастерской ещё берут учеников, вот и спрашивала, не возьмёшь ли. Если можно, завтра приведёт ребёнка в уезд.

Про то, что у них в семье появился учитель при уездной управе, Ван Чуньхуа, конечно, умолчала лишь о деньгах - остальным же всю хвасталась.

Нин Гуйчжу об этом не знал. Он подумал и сказал:

— Потом спрошу у Цзиньчжоу, действительно ли ещё набирают людей. Если да, пусть приходит. Только если сейчас начать, то будет отставать от остальных. Если характер нетерпеливый, лучше подождать, пока наберётся ещё группа и идти вместе.

В мастерской уже был один такой - так переживал из-за медленного прогресса, что Нин Гуйчжу сам за него волновался.

— Да не переживай, не переживай! У моего племянника характер спокойный, — обрадовалась Ван Чуньхуа.

Пока они разговаривали, блюда уже были почти готовы. Отвар из сладкого картофеля сняли с огня, в сковороду налили две ложки масла, разогрели и выложили нарезанное вяленое мясо. Не прошло и минуты, как аромат мяса наполнил кухню, даже прохожие снаружи невольно сглатывали, чувствуя, как урчит в животе.

Нин Гуйчжу, прикинув, что мясо уже почти готово, сказал:

— Добавьте немного соевого соуса.

Вяленое мясо у семьи Сюн было не слишком солёным, а соевый соус как раз мог придать вкус. Лю Цюхун послушалась и плеснула в сковороду немного соуса. Совсем чуть-чуть, лишь чтобы подчеркнуть вкус. Она всю жизнь привыкла экономить, и даже такое количество для неё уже считалось щедрым.

Нин Гуйчжу посмотрел, прикинул, что достаточно, и больше добавлять не стал.

Под шорох лопатки блюда быстро были готовы. На стол подали три: жареное вяленое мясо с зелёным луком, холодную закуску из диких трав и мелко нарезанное яйцо с душистыми побегами туны. Ароматные блюда поставили на стол, вся семья вымыла руки и села есть.

Ван Чуньхуа стояла рядом и разливала кашу. Это был обычай, оставшийся с бедных времён: первая чашка должна быть у всех одинаковой, а добавку могли брать только те, кто выполнял тяжёлую работу; детям и тем, кто не трудился в поле, полагалось уступать. Сейчас жизнь стала лучше, и из всего правила сохранилось лишь одно - первая порция у всех должна быть равной.

<http://bllate.org/book/14958/1607514>